

КУЗНЕЦОВ Павел Вячеславович – заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН (117977, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32; pkuznetsov@icssaras.ru); ORCID: 0009-0008-8853-0220

ФОМИН Максим Витальевич – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник центра «Россия-Китай» Института Китая и современной Азии РАН (117977, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32; myfomin@mail.ru); ORCID: 0000-0001-6685-1500

ИЗМЕНЕНИЯ РЕГУЛЯТОРИКИ В СПЕЦРЕЖИМАХ КИТАЯ КАК ОТВЕТ НА НОВЫЕ ВНУТРИ- И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Объектом исследования являются спецрежимы Китая, а конкретно особые экономические зоны (ОЭЗ) и экспериментальные зоны свободной торговли (ЭЗСТ). Исходя из особенностей развития, авторы отмечают эволюцию предпочтений этих спецрежимов. В основе исследования лежит анализ информационных материалов, нормативно-законодательных актов КНР, стратегий. В условиях глобальных трансформаций в мировой торговле, вызванных цифровизацией, изменением цепочек поставок и геополитической напряженностью, Китай активно адаптирует свою регуляторную политику в ОЭЗ и ЭЗСТ. Данная статья исследует последние изменения в регуляторике китайских спецрежимов, анализирует их роль в ответе на вызовы современной мировой торговли и оценивает их влияние на экономическое развитие Китая и его интеграцию в глобальную экономику. Кроме того, в исследовании показана хронология функционирования российских преференциальных режимов – особых экономических зон (ОЭЗ) и территорий опережающего развития (ТОР). Следует отметить, что в проекты ОЭЗ и ТОР инвесторы уже вложили более 2 трлн руб., но главная сложность управления – это административная координация и синхронизация деятельности ОЭЗ и ТОР, находящихся в разных регионах. Кроме того, очевидно, что пока стратегические цели ОЭЗ и ТОР не коррелируют с национальными целями развития Российской Федерации. В исследовании представлено, в каких аспектах китайский опыт создания и развития ОЭЗ, зон развития, ЭЗСТ и других спецрежимов может быть использован в России, что также полезно и при разработке экономической политики государственного управления пространственным развитием.

Ключевые слова: Китай, ОЭЗ, ЭЗСТ, ТОР, реформы, регуляторика

Опыт Поднебесной

Практика применения Китаем спецрежимов экономической деятельности насчитывает более 40 лет. В начале 1980-х гг. были созданы первые такие территории (7 особых экономических зон – ОЭЗ), ставшие символом реформ и открытости КНР. К настоящему моменту с учетом всех учрежденных за это время сотен зон развития (开发区), бондовых районов, национальных туристических курортов и др., а также новейших экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ) (自贸试验区) Китай, очевидно, обладает самым масштабным и эффективным накопленным опытом их правового регулирования и государственного надзора (контроля).

Созданные многообразные форматы использования спецрежимов продемонстрировали в целом впечатляющие результаты по вкладу в ВВП, объемам привлеченных инвестиций, созданию новых рабочих мест и т.д.

Развитие китайских спецрежимов, безусловно, давно находится в зоне особого внимания исследователей [Wu 2014; Alberts 1988; Wall 1991; Ip 1995; Ota 2003; Wu 2007; Chu 1987; Pu 2017]. Из недавних работ необходимо отметить

исследования Чжу Фулиня, У Ицина, Ян Юна, Лю Шухуа и Ло Шаньшань [Чжу Фулинь 2021; У Ицин 2021; Ян Юн 2023; Лю Шухуа 2024; Ло Шаньшань 2024].

В то же время не только российские, но еще и советские ученые также обращались к феномену китайских ОЭЗ [Портяков, Степанов 1986; Манежев 1990]. Из современных – это работы Е.А. Зубарева и Го Шу Хуна, К.А. Голошова, С.А. Иванова, Н.А. Козловой и, безусловно, В.Я. Портякова [Зубарев, Хун 2008; Голошов 2013; Иванов 2014; Козлова 2015; Портяков 1998; 2017; 2021].

Причем одну публикацию профессора Портякова [Портяков 2018] «Научная литература КНР о специальных экономических зонах страны» необходимо отметить особо. Здесь автор не только проанализировал наиболее важные китайские работы, посвященные ОЭЗ, но и проиллюстрировал малоизвестные нюансы развития зон в Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу, Сямэне и Хайнане, а конкретно, как внешняя конъюнктура и особенности внутренней политики влияли на развитие ОЭЗ, и почему их функция «окна в мир» завершается.

Этот прогностический вывод отечественного ученого примечателен тем, что в современных условиях замедления мировой экономики, масштабных торговых и санкционных войн, разрушения традиционных глобальных финансовых и логистических связей Китай как ведущий мировой экспортер товаров и услуг в борьбе за катастрофически снижающиеся прямые иностранные инвестиции (*FDI*) уже производит корректировку как стратегии развития своих специальных экономических территорий, так и соответствующей регуляторной политики. Этот опыт, вероятно, может быть весьма востребован в России, также испытывающей потребность в серьезной перестройке своей системы управления спецрежимами.

Предложение Дэн Сяопина в 1979 г. о создании первых ОЭЗ было попыткой предотвратить бегство фермеров из провинций Фуцзянь и Гуандун в Гонконг (тогда находившийся под контролем Великобритании) посредством привлечения, в отсутствие денег у центрального правительства, средств диаспор зарубежных китайцев (华侨), проживающих в Гонконге и Макао, для инвестирования в обрабатывающие экспортные производства в южных провинциях КНР.

Именно поэтому ЦК КПК решил выделить определенные районы в Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу и Сямэне для экспериментальных экспортных специальных зон. Позже их переименовали в СЭЗ. Помимо обычных для территорий с экономическими спецрежимами функций привлечения инвестиций, трансфера технологий, инноваций и пр., важная функция ОЭЗ в Китае заключается в том, что они играют роль «испытательных полигонов» в институциональных реформах.

Особняком стоят специальные административные районы (САР) Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао), которые занимают уникальное место в системе территориально-экономического управления Китая, отличаясь от классических специальных экономических зон (СЭЗ) как по правовому статусу, так и по функциональной роли. В соответствии с принципом «одна страна – две системы», закрепленным в конституциях САР, эти территории обладают высокой степенью автономии: сохраняют собственные правовые, экономические и административные системы, отдельные таможенные режимы и валюту, а также независимость в вопросах внешней политики в сферах торговли, туризма и культуры. Например, Сянган, будучи глобальным финансовым центром, сочетает либеральную рыночную экономику с британским

наследием общего права, что обеспечивает приток иностранных инвестиций и интеграцию в международные цепочки добавленной стоимости. Аомэнь, в свою очередь, специализируется на игорно-туристическом секторе, дополняя его программами по развитию финансовых услуг и культурного обмена в рамках инициативы «один центр, одна платформа» (крупнейший мировой центр туризма и платформа сотрудничества с португалоязычными странами).

При этом САР не являются классическими специальными экономическими зонами, поскольку их статус закреплён на конституционном уровне, а не через временные регуляторные преференции. Их интеграция в обще-китайскую экономику осуществляется через механизмы «Большого залива» (Гуандун – Сянган – Аомэнь), где сочетаются преимущества свободного рынка САР с производственными и инновационными возможностями материкового Китая. Однако, в отличие от СЭЗ или других ОЭЗ, где акцент делается на экспериментальных реформах, для Сянгана и Аомэня ключевой задачей остается сохранение стабильности их социально-экономических моделей.

Преференциальная экономическая политика большинства китайских ОЭЗ в основном включает в себя следующие аспекты.

1. Льготная налоговая политика:

– налоговые льготы: предприятия в ОЭЗ могут воспользоваться налоговыми льготами в течение определенного периода времени, например снижением налога на прибыль корпораций, земельного, имущественного налога и пр.;

– освобождение от налогов: для некоторых конкретных товаров или услуг, таких как импортное оборудование, сырье и др., ОЭЗ могут предусматривать политику освобождения от налогов для снижения операционных расходов бизнеса.

2. Преференциальная инвестиционная политика.

ОЭЗ часто проводят преференциальную инвестиционную политику, чтобы побудить отечественные и иностранные компании инвестировать в эти зоны. Эта политика может включать инвестиционные субсидии, концессии на аренду земли и пр.

3. Предпочтения в финансовой политике:

– кредитные льготы: предприятия в ОЭЗ могут пользоваться локальной финансовой поддержкой, такой как субсидированная процентная ставка по кредитам, гарантии, реструктуризация долгов и пр.;

– поддержка рынка капитала: специальная зона может предоставлять удобные каналы финансирования рынка капитала, например поддержку компаний, которые будут котируются на соответствующих фондовых биржах.

4. Политика кадровых преференций.

Чтобы привлечь и удержать кадры, ОЭЗ могут предоставлять ряд преимуществ, таких как предоставление квартир для ценных специалистов, субсидий на жильё, особые условия по временному пребыванию иностранных руководящих кадров и их семей.

ОЭЗ также могут предоставлять другие конкретные преференциальные политики, основанные на их собственных условиях развития, в т.ч. поддержку промышленности, поддержку научных и технологических исследований и разработок и т.д.

В то же время глобальные изменения, происшедшие в последние годы, включая торговые войны, пандемию *COVID-19* и цифровую революцию, потребовали пересмотра регуляторных подходов в этих зонах.

Эволюция ОЭЗ в Китае

Современная мировая торговля переживает глубокие трансформации, вызванные такими факторами, как:

- цифровизация: рост электронной коммерции, использование блокчейна и искусственного интеллекта в логистике;
- изменение цепочек поставок: деглобализация и регионализация торговли, стремление к устойчивости и снижению зависимости от отдельных стран;
- геополитическая напряженность: торговые войны между США и Китаем, санкции и ограничения на трансфер технологий;
- экологические вызовы: переход к «зеленой» экономике и устойчивому развитию.

Эти процессы требуют от стран адаптации своих экономических политик к новым реалиям мировой торговли, и Китай не является исключением. Китайские спецрежимы стали ключевым инструментом в этом процессе. Они позволяют тестировать новые экономические модели и регуляторные подходы в ограниченных масштабах; привлекать иностранные инвестиции и технологии, несмотря на глобальную напряженность; создавать точки роста для инноваций и цифровой экономики.

С 2013 г. руководство Китая на уровне ЦК КПК и Госсовета КНР запустило 22 экспериментальные зоны свободной торговли (ЭЗСТ). В общей сложности в каждой такой зоне было реализовано более 3 500 пилотных проектов, что привело к появлению множества важных институциональных инноваций и созданию ряда конкурентоспособных на международном уровне промышленных кластеров.

Было разработано и опробовано большое число новых мер по реформированию регуляторики, таких как «негативный список» для доступа иностранных инвестиций, «негативный список» для трансграничной торговли услугами, «единое окно» для международной торговли и «единое окно» для международной торговли, реформа, связанная с «разделением лицензий и сертификатов». 349 мер были реализованы на национальном уровне. Более 3 200 институциональных инновационных достижений фактически сыграли роль комплексной экспериментальной платформы для политики реформ и открытости.

При реализации стратегии по реформе регуляторики ЭЗСТ ключевым словом является «улучшение», основное внимание уделяется конвергенции норм и правил, а акцент делается на институциональной открытости, такой как правила, положения, управление и стандарты.

Несмотря на явные успехи, китайские ОЭЗ и зоны развития сталкиваются с различными вызовами, в числе которых:

- необходимость баланса между открытостью и защитой национальных интересов;
- торговая напряженность между Китаем и США;
- давление со стороны международного сообщества в связи с вопросами прозрачности и соблюдения прав человека;
- снижение спроса на экспортные товары и услуги из-за замедления роста ключевых рынков;
- снижение общего объема *FDI* и, как следствие, конкуренция с другими странами, которые также развивают свои ОЭЗ;
- внутренняя конкуренция между различными ОЭЗ и ЭЗСТ за инвестиции, технологии и кадры;

- избыточное дублирование функций, запутанность регуляторики, недостаточная специализация, чрезмерный административный контроль;
- зависимость от иностранных технологий в некоторых высокотехнологичных отраслях;
- ужесточение экологических стандартов и необходимость перехода к «зеленой» экономике;
- ограничения на энергоемкие и загрязняющие производства;
- разрыв в уровне развития между прибрежными и внутренними зонами;
- недостаточно развитая инфраструктура в некоторых регионах;
- старение населения и сокращение численности рабочей силы, что может повлиять на доступ к квалифицированным кадрам;
- недостаточная производительность труда;
- риск отставания в ключевых технологиях, таких как искусственный интеллект, биотехнологии и квантовые вычисления.

В целом, китайские ОЭЗ и ЭЗСТ продолжают играть ключевую роль в экономике Китая, но их дальнейшее развитие требует адаптации к новым глобальным и внутренним условиям.

В этой связи Китай активно модернизируют регуляторную базу своих спецрежимов, чтобы они оставались конкурентоспособными в новых условиях.

Основные изменения включают:

- 1) либерализацию торговли и инвестиций:
 - упрощение таможенных процедур и снижение тарифов в рамках зон свободной торговли;
 - расширение доступа иностранных компаний к китайскому рынку, особенно в секторах высоких технологий и финансовых услуг;
 - введение режима «негативного списка», который разрешает все виды деятельности, кроме явно запрещенных;
- 2) цифровизацию и инновации:
 - создание цифровых платформ для управления торговыми операциями и логистикой;
 - поддержку стартапов и технологических компаний через налоговые льготы и гранты;
 - развитие инфраструктуры для тестирования новых технологий, таких как 5G, блокчейн и автономные транспортные системы;
- 3) устойчивое развитие:
 - введение экологических стандартов и стимулов для «зеленых» инвестиций;
 - развитие возобновляемой энергетики и снижение углеродного следа в промышленных зонах;
- 4) укрепление правовой базы:
 - совершенствование законодательства в области интеллектуальной собственности для привлечения иностранных технологий;
 - упрощение разрешительных процедур для бизнеса и снижение бюрократической нагрузки.

В 2024 г. принят 7-й пакет реформ в ЭЗСТ. Госсовет КНР предписал всем народным правительствам регионов, где расположены ЭЗСТ, копировать и продвигать следующие конкретные меры.

1. Содействие инвестициям и торговле:
 - унификация, стандартизация и информатизация согласования проектов строительства;

- облачная платформа выдачи заключений инспекции экспортных грузов и карантинных сертификатов;
 - электронная информатизация грузовых авиаперевозок.
2. Инновационные направления государственного управления:
- четырехэтапный метод проверки ложных деклараций и сокрытия опасных грузов, перевозимых водным транспортом;
 - замкнутое управление делами морской администрации;
 - модульный механизм проверки международных судов;
 - электронное информирование о трудовых договорах для эффективного привлечения кадрами и социальным обеспечением;
 - механизм контроля цен на закупку фармацевтической продукции.
3. Инновационные области финансового управления:
- полный процесс электронной трансграничной уплаты налогов в юанях;
 - упрощение трансграничных расчетов в юанях для иностранных подрядных инжиниринговых предприятий;
 - механизм признания профессиональной квалификации в сфере финансов за рубежом в сфере ценных бумаг, фьючерсов и фондов;
 - бизнес-модель финансирования залога движимого имущества;
 - новая модель вексельного финансирования научно-технических предприятий;
 - инновационная модель залогового финансирования интеллектуальной собственности.
4. Области высококачественного промышленного развития:
- новая модель интеллектуальной трансформации и рыночно ориентированной модернизации обрабатывающей промышленности;
 - трансформация и применение больших данных в области здравоохранения и медицины;
 - новая модель патентной навигации для содействия промышленным инновациям и сотрудничеству;
 - новая модель открытого патентного лицензирования;
 - кластеризация, развитие и реформирование сферы услуг в сфере интеллектуальной собственности.
5. В области защиты интеллектуальной собственности:
- механизм приоритетного посредничества в спорах в области интеллектуальной собственности;
 - быстрое рассмотрение простых дел по делам об интеллектуальной собственности.

Надо учитывать, что многие ЭЗСТ были с самого начала их деятельности ориентированы не только «вовне», но и «внутри», на содействие динамичному развитию региональных интеграционных процессов в Китае, в т.ч. в районе Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао), в бассейне и особенно в дельте р. Янцзы, в треугольнике Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, на северо-востоке страны и в паре Чунцин – Сычуань.

Подписание в ноябре 2020 г. многостороннего соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве предоставляет зонам хороший шанс продолжить движение в изначально приоритетном для них направлении, каковым является освоение передовых международных внешнеторговых и инвестиционных практик [Портяков 2021: 100].

Китайский опыт демонстрирует, что успех спецрежимов зависит от четкой стратегии, государственной поддержки, инфраструктурного развития и ориентации на международные рынки. Изменения регуляторики в китайских

спецрежимах являются важным элементом стратегии страны по адаптации к революционным процессам в мировой торговле (см., например, *FDI China*).

Эти изменения не только способствуют экономическому росту Китая, но и укрепляют его позиции в глобальной экономике. Однако успех этой стратегии будет зависеть от способности Китая балансировать между открытостью и защитой своих интересов, а также от готовности к дальнейшим трансформациям в ответ на новые вызовы.

Российский контекст

Российская история ОЭЗ начинается с 1991 г. Именно в этом году началось функционирование СЭЗ «Янтарь» в Калининградской области (в настоящее время – ОЭЗ «Янтарь», будет действовать до 2030 г.). Изначально заявлявшаяся как порто-франко или «Гонконг на Балтийском море», зона «Янтарь» – по понятным причинам – таковым не стала. Тем не менее следует отметить, что это одна из немногих старейших российских ОЭЗ, в которых был достигнут умеренный, но реальный успех. Кроме организации сотен сборочных и перерабатывающих предприятий, работавших на транзит в Большую Россию, здесь был создан и до сих пор работает ряд экспортоориентированных производственных фирм.

В настоящее время российские ОЭЗ – это территории с особым юридическим статусом и экономическими льготами, создание и деятельность которых регулируются федеральным законом ФЗ-116 от 22 июля 2005 г. ОЭЗ создаются на 49 лет для развития обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктуры, разработки и коммерциализации технологий, а также для производства новых видов продукции. Соответственно, в РФ могут создаваться ОЭЗ 4 типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, портовые и туристско-рекреационные зоны.

В России функционируют 53 ОЭЗ (34 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые). За 19 лет – с начала действия нового закона – в ОЭЗ зарегистрированы 1 322 компании-резидента, из которых более 100 компаний с участием иностранного капитала из 33 стран. Общий объем инвестиций составил более 1,8 трлн руб., было создано около 83 тыс. рабочих мест, уплачено порядка 465 млрд руб. налоговых платежей, таможенных отчислений и страховых взносов.

Следует отметить еще один инструмент прогрессивных изменений, а именно территории опережающего развития (ТОР), т.е. экономические зоны с льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами и другими привилегиями, предназначенными для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения. Впервые о создании ТОРов заявил в своем послании Федеральному собранию президент России В.В. Путин в 2013 г.

Глава государства предложил «создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий и зон опережающего экономического развития с особыми условиями для создания несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт».

Федеральный закон «О территориях опережающего развития» N 473-ФЗ был подписан 29 декабря 2014 г. и вступил в действие 30 марта 2015 г. Также были внесены изменения в Гражданский, Земельный и Налоговый кодексы. На сегодняшний день функционируют 92 ТОРа, в которых зарегистриро-

вано более 1 300 резидентов, создано около 111 тыс. рабочих мест, привлечено свыше 333 млрд руб. инвестиций, выручка резидентов превысила 1,25 трлн руб.

Вместе с тем, как к деятельности ОЭЗ предъявлялись претензии Счетной Палатой РФ, так и к функционированию ТОРов также есть целый ряд вопросов. Несмотря на то что в проекты ОЭЗ и ТОРов уже вложено более 2 трлн руб., главная сложность управления – это административная координация и синхронизация деятельности ОЭЗ и ТОРов, находящихся в разных регионах.

«Этот процесс предполагает формирование реальных возможностей для улучшения делового климата и роста капитализации территорий. Что напрямую связано как с возрастающей ролью имиджевой составляющей инвестиционной привлекательности регионов, так и со значительным повышением их ответственности как субъектов Федерации за соблюдение целевых ориентиров и приоритетов современной политики государственного управления – обеспечения национальной безопасности, технологического суверенитета и конкурентоспособности» [Россия-Китай... 2024: 13].

В целом, популярность преференциальных режимов у зарубежных инвесторов растет, несмотря на санкции: в 2024 г. только на Дальнем Востоке стартовали 10 новых совместных проектов с иностранным участием. Общая сумма инвестиций по ним оценивается примерно в 14 млрд руб. Поддерживающим фактором для такого экономического сотрудничества станет запуск в 2026 г. механизма международных территорий опережающего развития (МТОР). В рамках МТОРов возможно применение процедуры свободной таможенной зоны. Первые четыре площадки для размещения МТОРов определены в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областей.

Тем не менее стратегические цели ОЭЗ и ТОРов пока не коррелируют с национальными целями развития Российской Федерации. Как представляется, китайский опыт создания и развития ОЭЗ, зон развития, ЭЗСТ и других спецрежимов может быть весьма полезен для России в нескольких аспектах.

1. Поэтапное развитие и экспериментирование. Китай начал с создания небольших пилотных зон, которые затем масштабировались на другие регионы. Для России было бы правильным сконцентрировать усилия на нескольких пилотных проектах в стратегически важных регионах, таких как Дальний Восток или Калининградская область, и постепенно расширять их, не пытаясь создавать бесчисленные спецрежимы во всех субъектах страны.

2. Четкая специализация зон. Китайские ОЭЗ имеют четкую специализацию: Шэньчжэнь – высокие технологии, Шанхай – финансы и логистика, Хайнань – туризм и здравоохранение. Российские спецрежимы могут специализироваться на отраслях, где есть конкурентные преимущества. Например, Дальний Восток – на логистике и экспорте в Азию, Урал – на тяжелом машиностроении, Причерноморье – на сельском хозяйстве и биотехнологиях.

3. Привлечение иностранных инвестиций. Китай активно привлекал иностранные инвестиции через льготные налоговые условия, упрощение административных процедур и защиту прав инвесторов. В России важно создать комфортный для иностранных инвесторов инвестиционный климат, включая не только традиционное снижение налоговой нагрузки, но и гарантии защиты инвестиций, упрощение визового режима для иностранных участников этих проектов и пр.

4. Инфраструктурное развитие. Китай уделял большое внимание развитию инфраструктуры (транспорт, связь, энергетика) в ОЭЗ. Мощные инвестиции

российских властей в инфраструктуру, особенно в удаленных регионах, таких как Дальний Восток, также могут сделать спецрежимы более привлекательными для бизнеса.

5. Гибкость и адаптивность. Китайские ОЭЗ постоянно адаптировались к изменениям в мировой экономике, внедряя новые правила и стимулы. Российские спецрежимы должны быть гибкими, иметь возможность самостоятельного внесения изменений в регуляторику, чтобы оперативно реагировать на изменения в глобальной экономике и технологиях.

6. Государственная поддержка. Китайские ОЭЗ получали значительную поддержку от центрального правительства, включая финансирование и политическую поддержку. Российские спецрежимы также нуждаются в активной поддержке на федеральном уровне, включая финансирование и координацию между регионами.

7. «Зеленая» экономика. Китай активно развивает экологически чистые производства в своих зонах и включает «зеленые» требования в соответствующую регуляторику. Для России внедрение «зеленых» технологий в спецрежимах может повысить их привлекательность для иностранных инвесторов.

8. Международное сотрудничество. Китай активно сотрудничает с другими странами через свои ОЭЗ, например в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Российские спецрежимы, в свою очередь, могут стать производственно-технологическими платформами для сотрудничества с Китаем, странами ЕАЭС и БРИКС+.

Выводы и комментарии

За последние четыре десятилетия особые экономические зоны (ОЭЗ) Китая стали локомотивами экономических преобразований, обеспечив стране беспрецедентный рост и интеграцию в глобальную торговую систему. Однако в условиях новых вызовов — от цифровой революции до геополитической напряженности и климатических кризисов — Китай вынужден непрерывно адаптировать регуляторную базу своих спецрежимов. В 2024 г. эти изменения приобрели системный характер, отражая стремление Пекина сохранить конкурентоспособность своих экономических «лабораторий» в меняющемся мире.

С момента создания первой ОЭЗ в Шэньчжэне (1980 г.) китайские спецрежимы эволюционировали от экспортоориентированных зон до полигонов для тестирования комплексных институциональных реформ. Современные зоны, такие как Шанхайская зона свободной торговли (上海自贸区) и Хайнаньский свободный торговый порт (海南自由贸易港), фокусируются на либерализации торговли, цифровизации, привлечении высокотехнологичных инвестиций и устойчивом развитии.

В 2024 г. ключевыми направлениями реформ стали:

1) либерализация доступа для иностранного капитала: обновленный «негативный список» (《外商投资准入特别管理措施(负面清单)》) сократил ограничения в секторах ИИ, биотехнологий и финансовых услуг, что усилило приток зарубежных инвестиций;

2) цифровизация: пилотные проекты по трансграничному потоку данных (《跨境数据流动试点的通知》) и внедрение блокчейна в таможенные процедуры ускорили интеграцию ОЭЗ в глобальные цифровые цепочки;

3) устойчивое развитие: новые экологические стандарты (《海南自由贸易港生态环境保护条例》) и налоговые льготы для «зеленых» проектов превратили

Хайнань и другие зоны в площадки для тестирования низкоуглеродных технологий.

Несмотря на успехи, китайские спецрежимы сталкиваются с рядом проблем, таких как:

– баланс между открытостью и контролем: расширение доступа иностранных компаний усиливает риски утечки технологий и данных, что вынуждает Пекин ужесточать кибербезопасность (например, через 《数据安全法》);

– геополитическое давление: санкции США и ЕС ограничивают сотрудничество с западными технологическими гигантами, что замедляет инновации в ОЭЗ;

– конкуренция с другими странами: Сингапур, ОАЭ и Вьетнам активно развивают собственные спецрежимы, предлагая более гибкие налоговые условия и упрощенные регуляторные процедуры.

Перспективы китайских ОЭЗ связаны с их способностью стать центрами «новой глобализации» – менее зависимой от Запада и более ориентированной на Азию и страны Глобального Юга. Уже сейчас Шанхайская зона свободной торговли и «Большой залив» Гуандун – Гонконг – Макао (粤港澳大湾区) играют ключевую роль в проекте «Один пояс – один путь», обеспечивая логистическую и финансовую интеграцию с партнерами Китая.

Главный урок китайского опыта – необходимость постоянной адаптации правил к меняющимся экономическим реалиям. Например, введение режима «песочницы» (по аналогии со специально изолированной – выделенной – средой безопасного исполнения компьютерных программ) для тестирования инновационных финансовых инструментов в Шэньчжэне позволило привлечь стартапы в сфере *fintech*, не нарушая стабильности финансовой системы. Кроме того, децентрализация управления – передача части полномочий от центральных властей администрациям ОЭЗ – ускоряет принятие решений и повышает гибкость.

Для нашей страны, столкнувшейся с беспрецедентными санкциями и необходимостью перестройки экономических связей, опыт Китая в управлении спецрежимами представляет значительный интерес.

В России действуют 53 ОЭЗ, 92 ТОРА, 2 специальных административных района (САР) на о-ве Октябрьский в Калининграде и на о-ве Русский во Владивостоке – территории, где компаниям, которые перешли под российскую юрисдикцию, предоставляется особый налоговый режим, как в офшорных зонах. Кроме того, функционирует особый режим порто-франко Свободного порта Владивосток (СПВ), распространяющий свои преференции еще на 16 муниципалитетов Приморского края, включая столицу региона, и на ключевые порты Дальнего Востока – Ванино, Корсаков, Певек, Петропавловск-Камчатский и Советскую Гавань.

Однако их эффективность ограничена рядом факторов, таких как:

– избыточная бюрократия: длительные сроки согласования проектов и частые проверки отпугивают инвесторов;

– недальновидная или «хищническая» специализация: многие ТОРЫ ориентированы не на производство или высокие технологии, а на добычу сырья (несмотря на изначальную декларацию «несырьевой» идеологии ТОРов);

– недостаток международной интеграции: санкции и политическая изоляция затрудняют привлечение иностранных компаний.

Возможности заимствования китайского опыта:

1) создание гибкой регуляторной «песочницы»: российские спецрежимы могли бы перенять практику тестирования новых правил в ограниченных

масштабах, как это реализуется в Шанхайской СЭЗ, например введение упрощенных визовых режимов для ИТ-специалистов в инновационных кластерах (по аналогии с пилотными проектами в Шэньчжэне);

2) акцент на цифровизацию: внедрение блокчейна для таможенного оформления (как в «区块链在海关通关中的应用») и создание цифровых платформ для взаимодействия бизнеса и государства могли бы снизить административную нагрузку;

3) привлечение китайских инвестиций: российские ТОРы и, тем более, будущие МТОРы должны стать площадками для совместных проектов с китайскими компаниями в сфере логистики, возобновляемой энергетики и переработки сырья.

Безусловно, существуют определенные риски и ограничения. Прямое копирование китайской модели невозможно из-за различий в экономической структуре и геополитическом контексте. Например, китайские ОЭЗ интегрированы в глобальные цепочки добавленной стоимости, тогда как российские зоны вынуждены ориентироваться на ограниченный круг партнеров (Китай, Индия, страны ЕАЭС). Кроме того, высокая зависимость России от сырьевого экспорта требует адаптации подходов – упор стоит сделать не на массовое производство, а на создание нишевых технологических решений (например, в Арктической зоне).

Китайские спецрежимы демонстрируют, что гибкая регуляторика – не просто инструмент адаптации, но стратегический ресурс в условиях глобальной нестабильности. Для России их опыт важен как пример системного подхода к созданию «точек роста» в условиях внешнего давления. Однако успешное заимствование возможно лишь при условии глубокой адаптации моделей к национальным интересам и текущим экономическим реалиям. Развитие российско-китайского сотрудничества в управлении спецрежимами (например, через обмен экспертами или совместные пилотные проекты) могло бы стать одним из ключевых элементов новой экономической стратегии евразийского пространства.

Список литературы

Голошов К.А. 2013. История развития свободных экономических зон. Опыт Китая в сфере их создания и функционирования. – *Таможенное дело*. № 3. С. 33-35.

Зубарев А.Е., Го Шу Хун. 2008. Классификация и характеристика свободных экономических зон (СЭЗ) КНР. – *Власть и управление на Востоке России*. № 4. С. 8-13.

Иванов С.А. 2014. Особые экономические зоны в Китае: уроки для дальневосточной политики. – *Россия и АТР*. № 4. С. 129-141.

Козлова Н.А. 2015. Функционирование свободных экономических зон в Китае. – *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*. № 4. С. 50-58.

Манежев С.А. 1990. *Иностранный капитал в экономике КНР*. М.: Наука. 271 с.

Портяков В.Я. 1998. *Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина*. М.: Восточная литература РАН. 236 с.

Портяков В.Я. 2017. *Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня*. М.: Форум. 156 с.

Портяков В.А. 2018. Научная литература КНР о специальных экономических зонах страны. – *Россия и АТР*. № 3. С. 5-15.

Портяков В.Я. 2021. *Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае*. М.: Изд-во ИДВ РАН. 104 с.

Портяков В.Я., Степанов С.В. 1986. Специальные экономические зоны Китая. – *Проблемы Дальнего Востока*. № 1. С. 37-46.

Россия – Китай. Потенциал сотрудничества Восточной Сибири и Дальнего Востока с КНР: аналитический доклад. 2024. М.: НКЦ МДС. 72 с.

Alberts A.J. 1988. *Speciale Economische Zones in de Volksrepubliek China*: thesis for Master's Degree in Political Science (Advisor: H. Overbeek). Universiteit van Amsterdam. DOI: 10.13140/RG.2.2.18396.09604.

Chu D. 1987. China's Special Economic Zones. – *Asian Affairs: An American Review*. Vol. 14. Is. 2. P. 77-89. <https://doi.org/10.1080/00927678.1987.10553641>.

Ip O. 1995. Changing Employment Systems in China: Some Evidence from the Shenzhen Special Economic Zone. – *Work Employment and Society*. Vol. 9. No. 2. P. 269-285. DOI: 10.1177/0950017095009002004.

Ota T. 2003. The Role of Special Economic Zones in China's Economic Development as Compared with Asian Export Processing Zones: 1979–1995. – *Asia in Extensio*. March. URL: https://www.researchgate.net/publication/238694334_The_Role_of_Special_Economic_Zones_in_China's_Economic_Development_As_Compared_with_Asian_Export_Processing_Zones_1979_-_1995#fullTextFileContent (accessed 28.01.2026).

Pu T. 2017. The Course of China's Special Economic Zone and the Choice of Xiong'an New Metropolitan Zone. – *DEStech Transactions on Social Science Education and Human Science*. November. DOI: 10.12783/dtssehs/msie2017/15440 URL: <https://dpi-journals.com/index.php/dtssehs/article/view/15440> (accessed 28.01.2026).

Wall D. 1991. Special Economic Zones and Industrialization in China. – *Discussion Papers in Economics*. Department of Economics, University of Sussex Business School.

Wu Ch.-T. 2007. Regional Impacts of Foreign Investment in China. – *Asian Economic Journal*. Vol. 3. Is. 1. P. 35-71. DOI: 10.1111/j.1467-8381.1989.tb00135.x

Wu Ch.-T. 2014. China's Special Economic Zones. Five Years after an Introduction. – *Asian Journal of Public Administration*. Vol. 7. Is. 2. P. 127-143. DOI: 10.1080/02598272.1985.10800162.

Ло Шаньшань. 2024. Как построить пилотную зону свободной торговли более высокого уровня [罗珊珊. 如何建设更高水平自由贸易试验区 (政策问答·统筹推进深层次改革和高水平开放). 2024]. Доступ: https://www.gov.cn/zhengce/202405/content_6952535.htm (проверено 29.05.2025).

Лю Шухуа. 2024. Распределение местоположения, скоординированное развитие и общая конкурентоспособность пилотных зон свободной торговли [刘曙华. 自由贸易试验区区位分布、联动发展与全域竞争力. 中国财政经济出版社. 2024].

У Ицин. 2021. Практика и исследование пилотных зон свободной торговли Китая [武义青. 中国自贸试验区的实践与探索. 经济日报出版社. 2021].

Чжу Фулинь. 2021. Контекст развития, основные достижения и высококачественные стратегии развития пилотных зон свободной торговли Китая [朱福林. 中国自由贸易试验区发展脉络、主要成效及高质量发展对策. 《北京工商大学学报 (社会科学版)》2021年第3期]. Доступ: <https://fzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/15510.htm> (проверено 31.01.2025).

Ян Юн. 2023. Строительство зон свободной торговли в Китае: влияние на благосостояние и пути продвижения [杨勇. 中国自由贸易区建设：福利效应与推进路径. 社会科学文献出版社. 2023].

KUZNETSOV Pavel Vyacheslavovich, Deputy Director of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117977; pkuznetsov@iccaras.ru)

FOMIN Maksim Vitalyevich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Leading Researcher of the Russia-China Center, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117977; mvfomin@mail.ru)

REGULATORY CHANGES IN CHINA'S SPECIAL REGIMES AS A RESPONSE TO NEW DOMESTIC AND FOREIGN ECONOMIC CHALLENGES

Abstract. *The object of the study is the special regimes of the People's Republic of China, specifically special economic zones (SEZ) and experimental free trade zones (EFTZ). Based on the development features, the authors note the evolution of the preferences of these special modes. The research is based on the analysis of information materials, regulatory legal acts of the People's Republic of China, and strategies. In the context of global transformations in global trade caused by digitalization, changing supply chains and geopolitical tensions, China is actively adapting its regulatory policy in the SEZ and the EFTZ. This article explores the latest regulatory changes in Chinese special regimes, analyzes their role in responding to the challenges of modern global trade, and assesses their impact on China's economic development and its integration into the global economy. In addition, the study shows the chronology of the functioning of Russian preferential regimes – special economic zones (SEZ) and territories of advanced development (TAD). It should be noted that investors have already invested more than 2 trillion rubles in SEZ and TAD projects, but the main difficulty of management is the administrative coordination and synchronization of SEZ and TOP activities located in different regions. In addition, it is obvious that so far the strategic goals of the SEZ and the TAD do not correlate with the national development goals of the Russian Federation. The study presents in what aspects the Chinese experience in the creation and development of SEZs, development zones, EFTZ and other special regimes can be useful for Russia. The conclusions of the study can be used also in the development of economic policy for the state management of spatial development.*

Keywords: *China, SEZ, EFTZ, TAD, reforms, regulatory framework*